

Настоящую тему с моим другом и единомышленником Борисом Иосифовичем Шрагиным мы начинали разрабатывать совместно на исходе 60-х годов в рамках книги "О русской культуре начала XX века". Работа над книгой по причинам внешним и из-за изменений в судьбах авторов была прервана. Сейчас мне приходится продолжать и завершать ее в одиночестве — Борис Иосифович умер в Нью-Йорке несколько лет назад. Однако, при всех неизбежных переработках и дополнениях, сокращениях и корректурах, я всюду, где это было возможным, стремился сохранить не только дух, но и букву, первоначальный текст, созданный в то время. Это дает мне счастливое право вынести на титул отрывка фамилию Б.Шрагина.

Л.Пажитнов

Говоря о традиции русской религиозной мысли XIX века, идущей от патриархов славянофильства через Достоевского и Вл. Соловьева, хотелось бы оговориться со всей определенностью относительно поверхностного толкования понятий "Запада" и "Востока". Не следует думать так, что формальная приверженность идеалам либерализма, демократии, равенства и конституционных свобод — это "Запад", а все, что связано в России с критикой западного эгалитаризма, с попытками религиозного решения проблем личности, культуры, — тянет вспять, выражает "Восток", азиатчину, вековечную российскую отсталость.

Водоразделы значительно тоньше и причудливей. Скажем, в рабском исповедании западных идеалов, их некритическом обоготворении может быть значительно больше азиатчины, чем в сознательном настаивании на национальном своеобразии. Патриархи славянофильства, искавшие оригинальных решений проблем отечественной жизни и культуры, были истинными европейцами, носителями творческого духа западного сознания. А разночинцы-шестидесятники, столь некритично носившиеся с Бюхнером, Спенсером и расхожими адептами западного позитивизма, рьяно заботившиеся о внешнем устроении русской жизни, часто не шли дальше чисто детского копирования западной моды.

Всякое идолопоклонство отдает темным, непросветленным Востоком, даже если предмет его — вполне цивилизованные формы жизни. Ведь их устроение не может быть результатом рабского копирования, снятия калек. Они вырабатываются самостоятельно, внутри народной среды с поправками на национальные традиции, на самобытные формы культуры, на особенности национального характера. Без опоры на них они не привьются, а останутся чисто внешним заимствованием.

Россия во многом — отсталая страна, полная варварской тьмы. Издавна эту отсталость связывают с трехвековым татарским игмом, с влиянием хаотической стихии "Востока". Однако это не мешает ей быть страной самобытной, и ее самобытность никак не идентична ее отсталости.

Темный "Восток" — это начало деспотизма, рабства и холопства, это неуважение к личности и человеческому достоинству, это крепостничество и поголовное бесправие, это право сильного и телесные наказания, это домострой и духовная забитость. И многое другое, что из этого вытекает.

Прорастание его в психику, в сферу духа в просветленной среде выражается не только в аполонетике застойных форм жизни (что достаточно очевидно), но даже там, где вроде бы происходит радикальное от них отталкивание.

Отрывок из готовящейся к изданию книги "Двуликий Янус" ("Запад" и "Восток" в духовных исканиях русского общества XIX—XX вв.).

Русская мысль. Борис Шрагин, Леонид Пажитнов
Париж - 1996 - с 10.
28 июля - с 10.
«Боязнью и жаждой развязки»

Вл. Соловьев и А.Блок

Пожалуй, трудно найти в мире страну, в которой ориентация на Запад была бы развита на протяжении целого столетия столь сильно, как в России. В последовательном развитии она дошла и до копирования самых последних образцов западного социализма и марксизма. Больше того, история сложилась так, что эти образ-

Владимир Соловьев.

цы вроде бы удалось осуществить практически. А в результате очень скоро сложилась деспотия чисто восточного типа, основанная на тотальном терроре и максимальном подавлении личности, вплоть до крепостничества, вплоть до телесных наказаний. "Восток", скрывавшийся внутри поверхностного копирования западной моды, быстро взял свое.

В свете этого исторического опыта становится очевидно, что линия, идущая от наследия Хомякова и Киреевского, через Гоголя, Чаадаева, Достоевского и Вл. Соловьева, ставящая в центр мировоззрения личность, формирование ее суверенности, духовного мира, рассматривающая преобразование внешних социальных форм жизни в зависимости от гармонии воли, чувства и разума человека, от становления целостной индивидуальности как субъекта исторического процесса, оказалась несравненно более плодотворной.

И не случайно интеллигенция, творившая "русский Ренессанс" первых десятилетий XX века в поэзии, музыке и балете, живописи и пластике, в философии и публицистике, сумела органически слить воедино обе тенденции: по уровню просвещенности, мировоззрению, творческой ориентированности она стояла на самых передовых рубежах европейской культуры и в то же время осознавала себя законной наследницей той традиции, которая прокладывая себе дорогу в XIX веке в исканиях русской религиозной мысли от славянофилов к Вл. Соловьеву.

Со всей отчетливостью это обнаружили "Вехи", ставшие своеобразной самокритикой русского интеллигентского сознания, сведением счетов со своей философской совестью.

Крайности обеих линий вырождались: поздние потомки славянофилов в лице Каткова, Победоносцева, нововременцев пришли к полному прислужничеству властям, стали откровенными адептами реакции; западнические же тенденции через различную демократию и народничество трансформировались в итоге в плоский, полууголовный большевизм. И здесь по обе стороны все кошки были удручающе серы.

Реальным же плодом взаимооплодотворения двух ведущих тенденций в русской мысли XIX века стал "Мир искусства", русский символизм, философия Бердяева и Шес-

това, Булгакова и Флоренского, публицистика Мережковского и Изгоева и пр. Это и определило историю первых десятилетий XX века.

Во всей истории русской мысли, поэзии и публицистике трудно найти произведение, в котором бы столь открыто и программно столкнулись лбами "Запад" и "Восток", как это являют "Скифы" Александра Блока. В известном смысле, по части противостояния этих двух тенденций и умонастроений, они являются вершиной, с которой отчетливо открывается многое, происходившее на предвещающих склонах.

Связь с предшествующей традицией отчетливо обозначена эпитафией, в который вынесены строки из стихотворения "Панмонголизм" Владимира Соловьева: "Панмонголизм! Хоть имя дико, / Но мне ласкает слух оно..."

Дата написания "Скифов" — 13 января 1918 года. Приуроченное ко времени подписания Брестского мира, стихотворение выходит далеко за рамки непосредственного отклика на событие. Жуткое — чеканными ритмами, жестокое — смыслом своим, в холодном кипении ненависти и отчаяния, оно поднимается до целостного ощущения истории, пророчит будущее.

В позиции Блока нет полутонув, колебаний, оговорок. Варварство и цивилизация как два полярных начала истории охарактеризованы четко, исчерпывающе, с программной определенностью. И в их споре Блок все свои эстетические симпатии безраздельно отдает варварству. Поэт будто слился с массой своего народа, растворился в ней, глаголет ее голосом: "Да, скифы мы, да, азиаты мы, / С раскосыми и жадными очами". Безудержные страсти, ломающие ветхие грани рассудочности и практицизма, которые проснулись в этих скифских "тьмах", поэт утверждает и своими страстями. Жажда жизни, наслажденный, безумной полноты плотского обладания, веками скованная, вырвалась наружу. Не сдерживаемая устоями нравственности, не остановимая состраданием, раздуваемая массовым бесстрашием перед смертью, которая стала не только врагом, но и союзником, раскрепощенная готовностью совершить любую жестокость, она сообщает новоявленным "скифам" ураганную победоносную силу.

Мы любим плоть — и вкус ее
и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы
И усмирять рабынь строптивых...

Буйство нового варварства гипнотизирует поэта своей первозданной мощью, хаотическим безначалием, лихим размахом во временах и пространствах. В нем ему видится вырвавшаяся на простор стихия, возвысившаяся своим неукротимым жизнелюбием над добром и злом. Старая цивилизованная Европа представляется немощной и жалкой, беспомощной в своей соразмерности, уютности, "пригожести", утонченности своих хилых наслаждений, "сладких мук".

Поэт до боли влюблен в Европу. Для Александра Блока древние "Пестумы", от которых "день придет и не будет и следа", — не чужие и бессмысленные руины. Для

него мир цивилизации ближе, а потому и понятнее, чем темная стихия русского скифства. Однако понятное обречено уже потому, что обрело законченность, заострилось, исчерпало запас потенциальной творческой энергии, которая всегда разомкнута в историю, в будущее. Именно загадочность, мистическая глубина, бесконечная энергия первозданных страстей, которые видятся Блоку в стонущей России, увлекли его поэтический темперамент, определили его выбор.

Россия — Сфинкс. Ликуя
и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..

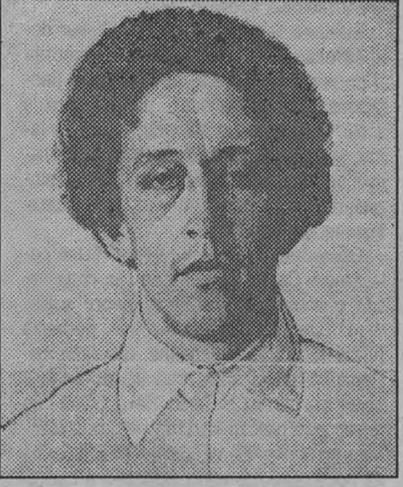
Впрочем, оговоримся. "С любовью" на цивилизованную Европу глядит на самом деле только Александр Блок. Космическое столкновение любви и ненависти, которое предощущается им "в нашей крови", есть весьма произвольное перенесение собственной эмоции в народную стихию, не больше чем "догадка" о ее тайном содержании.

"Скифы", в сущности, — это сам Александр Блок, и он соперничает им лишь постольку, поскольку в фантазии своей чувствует себя ими. Столкновение "России" и "Европы", то есть "варварства" и "цивилизации", выступает как катастрофическое противоборство двух ипостасей души самого художника, а переход его в стан "скифов" есть отказ от самого себя, от собственной раздвоенности, — отказ, продиктованный чисто эстетическим стремлением к живой гармонии и целостности.

"Скифы" Блока были "надрывом" — одной из тех духовных катастроф, которые так бесстрашно умел анатомировать Достоевский. "Поэзия", которая слышалась Блоку в бурных событиях времени, на самом-то деле звучала в его собственной душе и внятна была лишь для таких же поэтических натур. То, что "ликуя и скорбя" переживал по-

эт, имело весьма косвенное отношение к эмпирическим реальностям. Жертвы, которые он готов был принести ради романтического преображения истории, были скорее художественными символами, чем политическим изуверством.

У Блока было свое видение происходящих событий. Поскольку оно никак не влияло на их ход и само зависело от них весьма не прямо, "принятие" Блоком революции на

К.Сомов. Александр Блок. 1907.

первых этапах ее свершения было фактом его духовного развития. Социально-исторический план оставался в тени.

По удачному выражению Павла Когана, Блок и революция "встретились", хотя, разумеется, встреча отнюдь не была случайностью. "Скифы", так же, как и поэма "Двенадцать", написанная в эти же дни начала 1918 года, стали своеобразной лирической исповедью поэта, его комментарием к этой встрече. В этом комментарии по отношению к событиям революционного времени преломилась большая общекультурная и эстетическая традиция, под знаком которой протекало духовное развитие Блока в предыдущие десятилетия. И в этой традиции философско-историческая концепция Владимира Соловьева занимала главенствующее место. Отсюда, бесспорно, и родилась переключка с "Панмонголизмом", две строчки из которого возникли в эпитафее "Скифов".

Москва

Продолжение следует.